

УДК [281.9+282](476)(091)

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЙ

канд. ист. наук, доц. В.В. ТАБУНОВ

(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

Анализируется политика российского правительства в отношении римско-католического костела на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий. Главной задачей проводившейся Петербургом политики в отношении костела являлось ослабление влияния римо-католицизма на белорусских землях. Деятельность же римско-католического духовенства была, наоборот, направлена на укрепление, по мере возможности, позиций костела на территории белорусских земель. Такая ситуация обостряла религиозную обстановку в крае. Отстаивая свои интересы, обе стороны предпочитали действовать преимущественно в рамках функционировавшей тогда нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: римско-католический костел, православная церковь, конфессиональная политика, Российская империя, белорусские земли, епархия, приход, духовенство, правительство, веротерпимость.

Введение. Белорусские земли как в конце XIX – начале XX веков, так и на современном этапе развития отличались и отличаются поликонфессиональностью. При этом ведущую роль в религиозной жизни Беларуси наряду с православием играл и продолжает играть римо-католицизм. Изучение же положения римско-католического костела на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий позволяет систематизировать и расширить знания по истории одной из основных христианских конфессий в нашей стране, а также правильно осмыслить сущность религиозных процессов современности.

Проблема взаимоотношений российского правительства и римско-католического костела на белорусских землях в конце XIX – начале XX веков нашла отражение в коллективной работе отечественных ученых В.В. Яновской (Григорьевой), В.В. Завальнюка, В.И. Новицкого, Е.Н. Филатовой [1], диссертационном исследовании Ю.О. Бачищи [2], монографиях В.В. Яновской (Григорьевой) [3], А.И. Гончара [4–5].

Изучению деятельности римско-католического костела на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий посвящена монография российского исследователя О.А. Лиценбергер [6].

Из работ польских авторов, посвященных положению римско-католического костела на белорусских землях в конце XIX – начале XX веков, следует выделить труды Б. Кумора [7] и Л. Полюшкевича-Хорубала [8].

Приводимые авторами данные свидетельствуют о сложных и порой противоречивых взаимоотношениях между католическим клиром и самодержавием в Беларуси конца XIX – начала XX столетий, заключавшееся главным образом в том, что римско-католический костел, поддерживая польское национальное движение на белорусских землях, прилагал большие усилия для того, чтобы вернуть утраченные позиции времен Речи Посполитой, что вызывало противодействие со стороны как православного духовенства, так и правящих кругов империи, стремившихся не допускать роста влияния костела в крае путем осуществления всестороннего контроля за его деятельностью.

Политика российского правительства в отношении римско-католического костела на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий

По данным переписи 1897 г. на белорусских землях проживало 1 947 795 римо-католиков [9, с. 252–253], что составляло около 23% от общего количества населения. Большинство населения, исповедующего католицизм, было сосредоточено в северо-западных и западных уездах Виленской, Гродненской и Минской губерний.

Управление официально признанными конфессиями, в том числе и римо-католицизмом, находилось в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. В ведении Департамента находились римско-католическая Духовная коллегия, состоявшая из председателя-митрополита, членов постоянных заседателей от епархий, прокурора и канцелярских чинов. Коллегии подчинялись римско-католические епархиальные управления и учебные заведения.

Правительственный контроль предполагал ограничение ряда прав для римско-католической церкви, представители которой сообщались с Римом «не иначе, как через министра внутренних дел». В соответствии с установленным порядком «никакие акты, буллы, послания, наставления и всякого рода постановления и распоряжения римского папы и его правительства» не имели в России «законной силы» без разрешения правительства [10, с. 2–3, 4–5].

Вместе с тем римско-католическая церковь обладала правом публичного отправления богослужения. Она наделялась статусом юридического лица и имела право на владение собственностью. Ограничения были установлены относительно приобретения недвижимости. Имущество римско-католических церквей и монастырей охранялось законом. Духовенство освобождалось от воинской повинности и телесных наказаний, получало содержание от казны и процентов особого капитала, находившегося в ведении министра внутренних дел. За усердное служение оно награждалось орденами и наперсными крестами. Римско-католическое духовенство могло вести акты гражданского состояния, имело дисциплинарную власть, юрисдикцию по брачным делам, духовную цензуру [10, с. 7, 12–15].

Суть отношений российских властей к римско-католической церкви сформулировал в своем письме от 21 сентября 1899 г. к Николаю II обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев: «отношение Русского государства к римскому католицизму совсем особое, потому что масса католиков у нас поляки и потому еще, что в Литве масса русского народа представляет предмет исторического спора между Россией и Польшей» [11, л. 55об.].

Римско-католическая религия в правящих кругах Российской империи рассматривалась сквозь призму польского вопроса. На это указывают многочисленные архивные документы. Так, мозырский уездный исправник в своем рапорте сообщал минскому губернатору сведения о ксендзе Грабовском, мечтающем «о возможности возрождения Польского Царства» [12, л. 12–12об.].

Большинство ксендзов считали себя поляками. Так, в Гродненской губернии по переписи 1897 г. родным языком польский признали 170 католических священников, белорусский же – 38 [13, с. 60]. Последнее также может свидетельствовать о росте национального самосознания среди католического духовенства, но все же среди католического клира в то время преобладали пропольские настроения, которые они стремились распространить на верующих. К примеру, ксендз Одельского костела Гродненской губернии Эйнарт убеждал крестьян в их польском происхождении [14, с. 112]. В 1906 г. некоторые ксендзы в Сокольском уезде требовали от прихожан писать заявления о присоединении к будущей автономной Польше [15, л. 2].

Католическое духовенство в своей религиозной практике активно пользовалось польским языком. Так, в начале 1906 г. некоторые римско-католические епископы обратились в Министерство внутренних дел с ходатайством о «допущении польского языка в официальную переписку» епархиального начальства «между собой и подведомственным духовенством», а также в «сношения ксендзов с паствой». Однако в министерстве не признали возможным изменить существовавший с 1840 г. порядок общения «римско-католического духовенства между собой и населением». Епископы разрешения на использование польского языка не получили [16, л. 3-3об.-4-4об.-5, 6].

Имелось еще одно обстоятельство, из-за которого происходили трения между костелом и царскими властями: взаимоотношения между Римской курией и Петербургом. Все дело заключалось в том, что если в Западной Европе католическая церковь подчинялась папе, как своему «верховному началу», то в России она оказалась в ином положении: самодержавие пыталось подчинить ее тем принципам, которые сложились между православной церковью и государством. Поэтому «положение католической церкви в России во многом зависело от взаимоотношений папской курии и самодержавия. Формально главой католической церкви в России являлся римский папа, фактически она подчинялась министру внутренних дел» [17, с. 46–47].

В виду участия католического духовенства в антиправительственных восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 гг., а также его активной деятельности в области прозелитизма, продолжалось закрытие костелов и католических монастырей. В 1860–1905 гг. по распоряжению властей было закрыто 145 приходских и 52 филиальных костела, а также 240 часовен. Большая часть из них – 205 – были переданы православному духовенству и переделаны под церкви [7, с. 78].

Рубеж XIX – XX вв. стал временем интенсивного распространения различного рода религиозных меньшинств. Католицизм в этом плане был исключением. В целях борьбы с влиянием костела на белорусских землях российские власти решили оказать поддержку движению мариавитов. Его официальное признание способствовало ослаблению самой католической церкви, в чем также были заинтересованы правящие круги. Правительству явно импонировала позиция невмешательства участников этого движения в политику при одновременном сохранении лояльности к правящим кругам. На основании «отдельных для каждой общины уставов, утвержденных министром внутренних дел по согласованию с министром юстиции», разрешалось образование мариавитских общин. 28 ноября 1906 г. Николай II утвердил соответствующее положение Совета министров, в соответствии с которым мариавиты признавались «законно существующей и пользующейся охраной закона сектой» [18, л. 35-35об., 36-36об., 37].

Деятельность мариавитов вызывала недовольство у римско-католической церкви. Для противодействия распространению их вероучения на территории Беларуси и Литвы в начале XX века в Вильно епископом К. Михалькевичем был учрежден епархиальный трибунал [18, л. 51].

Главной целью всех исключительных мер, принятых в отношении деятельности римско-католического духовенства после событий 60-х гг. XIX века, было укрепление в крае позиций православия. Однако обозначенная цель, по признанию Министерства внутренних дел, не была достигнута.

В результате, по предложению Министерства внутренних дел от 6 сентября 1901 г., виленский и гродненский губернаторы должны были наблюдать за тем, чтобы римско-католическое духовенство и население соблюдало все действующие общие и местные постановления по отправлению культа. Разного рода выпады против православной церкви должны быть «строго пресекаемы», а все обвинения следовало тщательно проверять.

Рекомендовалось поощрять ксендзов, пользующихся «добрым влиянием среди паствы» (в проправительственном смысле – *В. Т.*) и сознательно идущих навстречу властям. При перемещении и назначении ксендзов на должности в первую очередь следовало учитывать то, чтобы лица, «проявившие свое отрицательное отношение» к православию и властям, «не были возвышаемы».

Просьбы о проведении ремонтно-восстановительных работ в костелах следовало удовлетворять в положительную сторону «в местностях со сплошным католическим населением» [19, л. 10об., 11-11об.].

Ксендзы находились под строгим наблюдением со стороны местных властей. Их привлекали к ответственности за нарушение многочисленных запретов при проведении богослужения, за самовольный ремонт костелов, постановку придорожных крестов, высказывания против православной церкви и правительственной школы. Но указанные ограничения не имели строго последовательного характера. Их применение на деле находилось в зависимости от «воззрений лиц, стоявших во главе центрального управления Министерства внутренних дел и даже от взглядов местных губернаторов» [20, с. 66].

Гражданской власти принадлежало право контроля за приемом в католические семинарии, наблюдение за монастырями и духовенством. Католический епископ не мог совершить объезд своей епархии без разрешения генерал-губернатора. О своем отъезде из места постоянного пребывания он сообщал губернатору, а тот – «непосредственно по начальству» и местным полицейским. Своими распоряжениями генерал-губернатор обязывал их «для предупреждения всяких недоразумений» сопровождать епископов во время совершения ими объездов епархии. Полицейские, сопровождавшие епископа, превращались «в зрение и слух» властей. О каждом шаге епископа губернатору посылались подробные донесения [21, с. 90, 98–99, 101].

При совершавшихся объездах епархий епископы могли вызывать «в те или другие пункты, по путям своего следования, настоятелей приходов и vikариев обозреваемого района». Запрещалось одновременно вызывать более трех-четырёх священников. О каждом таком вызове епархиальный начальник сообщал губернатору. Для выезда с мест их постоянного проживания испрашивалось разрешение через епархиальное начальство «у подлежащих губернских властей», которые давали разрешение на подобного рода отлучки «не иначе, как по предварительном сношении о том с генерал-губернатором или губернаторами тех местностей, в которые испрашивается отлучка». При этом указывались «сроки, местность и надобность поездки» [22, л. 1-1об., 8].

Приходские католические священники назначались на должность местным начальством с согласия правительственных органов [21, с. 106].

Поездки католического клира как по служебным, так и частным делам регулировались «Правилами об отлучках римско-католического духовенства». Согласно этим правилам «лица приходского духовенства для поездок в соседние приходы своего деканата должны» были «испрашивать на то разрешение декана». О каждом таком разрешении декан обязан был сообщать «или местному исправнику или исправнику того уезда, в который разрешена поездка» [23, л. 5-5об.].

Римско-католическое духовенство не всегда выполняло установленные российскими властями правила. Причиной этого являлся не только протест против строгого контроля властей, но и реальная обстановка, когда в экстренных случаях (болезнь священника, значительное расстояние до ближайшего приходского костела, временное отсутствие декана и так далее) требовалось присутствие священника, а времени на получение разрешения не оставалось.

Находящимся с разрешения властей в отъездах римско-католическим священникам запрещалось проводить богослужения, если только об этом не просил тот ксендз, в приход которого выезжал его коллега. Но такое правило не всегда соблюдалось католическим клиром [24, л. 19, 21, 25, 27-27об.].

Власти предприняли меры по сдерживанию роста влияния католичества в крае. В связи с этим большое внимание обращалось на постановление генерал-губернатора К.Ф. Кшивицкого от 29 января 1904 г. В соответствии с ним запрещалось прибытие в пределы Виленской, Ковенской и Гродненской губерний «иногородних религиозных процессий» без разрешения губернатора. Не разрешалось сопровождать такие процессии музыкальным оркестром. Строго воспрещалось принимавшим участие в процессиях быть «в одеяниях, не имеющих никакой связи с отправлением духовного торжества», и нести при этом эмблемы, «не составляющие предметов церковно-религиозного обихода». Постановление носило обязательный для исполнения характер. Виновным в нарушении грозил штраф в размере 500 рублей либо арест сроком до трех месяцев [25, л. 30].

Строительство и ремонт католических культовых сооружений находились под контролем властей. По распоряжению генерал-губернатора Э.И. Тотлебена от 29 апреля 1881 г. за проведение недозволенных ремонтно-восстановительных работ в костелах и каплицах католическое духовенство подвергалось штрафу до 100 рублей [21, с. 120–121]. Только в 1896 г. был отменен циркуляр генерал-губернатора М.Н. Муравьева, согласно которому строительство и ремонт костелов, часовен допускались с разрешения Главного начальника края [3, с. 98].

Установленные ограничения на постройку римско-католических культовых сооружений не всегда соблюдались. За разрешением на ремонт культовых сооружений к властям обращались как местные помещики-католики, население, исповедующее католицизм, так и представители римско-католического духовенства. После того как администрация удостоверилась в необходимости проведения восстановительных работ и в отсутствии претензий со стороны православных священников, она, как правило, удовлетворяла подобного рода ходатайства, оказывая подчас нуждающимся и финансовую помощь [26, л. 1, 4, 8-8об.-9-9об.]. Самостоятельный сбор римско-католическим духовенством необходимых для ремонтных работ средств был запрещен. Несоблюдение установленного правила строго наказывалось [27, л. 1, 2, 2об.-3, 4-5, 8-8об., 9-9об., 10-10об., 15, 19, 21].

Активизации деятельности римско-католической церкви в начале XX века способствовало утверждение монархом 11 февраля 1905 г. Особого журнала Комитета министров от 25 января 1904 г. «О существующих административных постановлениях по делам, относящимся к римско-католическому исповеданию». Отмене подлежали распоряжения об объездах епископами своих епархий, о «пастырских посланиях», о порядке связей епископов с Министерством внутренних дел «не иначе как через Генерал-Губернатора», о запрещении открытого ношения святых даров, развоза облаток, о наложении на ксендзов денежных штрафов. Передвижение римско-католического духовенства подчинялось общим постановлениям Паспортного устава и распоряжениям епархиального начальства [28, л. 1-1об.-2].

26 декабря 1905 г. Николай II подписал сразу нескольких указов, ликвидировавших многие ограничения для организации крестных ходов. Отменялось постановление о закрытии монастырей, православные духовные власти получали больше самостоятельности в кадровых и других вопросах [14, с. 102]. Например, устройство и передвижение религиозных процессий разрешалось только в случае «дозволения таковых» римско-католическим епархиальным начальством. В круг его обязанностей входило назначение и перемещение приходских священников с последующим уведомлением губернатора [29, л. 57-57об., 79].

Указ 17 апреля 1905 г. способствовал оживлению межконфессиональной жизни. После его принятия начался переход из православия в другие христианские вероисповедания, на белорусских землях – в римо-католицизм.

Сведения о численности перешедших из православия в католичество у представителей власти и духовенства несколько отличались. Так, согласно данным Виленской римско-католической епархии за 1905–1909 гг., из православия в католицизм перешло 62 тысячи человек [3, с. 106].

По официальным же данным, в Западном крае за 1905–1907 гг. в католичество перешла 171 тысяча человек [30, с. 29–31].

Расхождения в сведениях о численности перешедших из православия в католицизм у представителей религиозных организаций и органов власти были вызваны их несогласованными действиями в данной области. Римско-католическая церковь придерживалась епископских указаний, а власти и православная церковь – распоряжений высшего начальства. К тому же ксендзы, в отличие от православного духовенства и чиновников, всегда стремились более широко трактовать указ о религиозных свободах.

Властями отмечалось, что ввиду издания указа 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповеданий «римско-католические епископы стали совершать объезды своих епархий». Губернаторы и начальники жандармских управлений неоднократно доносили об имевших место «демонстративных встречах и проводах особ, принадлежащих к высшему католическому духовенству». В этих встречах, происходивших с «большой торжественностью», власти видели проявления «национально-польского характера» [31, л. 61].

17 июня 1905 г. губернаторам был разослан циркуляр, предписывавший «привлекать виновных в устройстве при встрече католических епископов бандерий, в ношении запрещенных костюмов, эмблем к законной ответственности» [32, с. 52].

В целях ограничения роста влияния католицизма постановлением от 13 сентября 1907 г. запрещалось прибытие в губернию без разрешения властей «иногородних религиозных процессий», а также сопровождение таких процессий музыкальными оркестрами и принятие участия в процессиях в одежде, «не имеющей никакой связи с отправлением духовного торжества». Не разрешалось также использовать предметы, не входящие в круг церковно-приходского обихода [29, л. 57].

Заявила о себе проблема возврата католикам бывших костелов и часовен. В тяжбах между католиками и православными правящие круги поддерживали последних. Первым же было очень непросто добиться возвращения храмовых зданий, поскольку большинство строений было передано православной церкви, в силу чего получить разрешение Синода было практически невозможно.

Но все же исключения из правил были. Одной из главных причин отказа правительства открывать упраздненные костелы и возвращать их католикам, было опасение перехода в католицизм бывших католиков и униатов, переведенных в православие, но втайне старавшихся «удовлетворить свои религиозные потребности в ближайших католических приходах» [21, с. 148].

Правительство, встревоженное участившимися случаями переходов из православия в другие религии, в конце весны и летом 1905 г. предпринимает меры к ограничению действия указа 17 апреля 1905 г. 18 августа 1905 г. всем губернаторам был разослан циркуляр министра внутренних дел А. Булыгина № 4628, в котором обращалось внимание на необходимость установления временного промежутка (месяц – *В. Т.*) между подачей заявления и переходом в другое вероисповедание для того, чтобы предоставить православному духовенству возможность «увещания отпадающего». Также указывалось, что переход из одной конфессии в другую должен оформляться при посредничестве местных властей.

Но действие указанного документа на практике было малорезультативным. К примеру, по данным минской консистории, из православия в католичество в период времени с августа 1905 г. по декабрь 1907 г. перешло всего только 3 человека [33, л. 165-165об., 166].

Заключение. В конце XIX – начале XX столетий деятельность римско-католической церкви была направлена, прежде всего, на укрепление позиций католицизма в крае. Это, безусловно, обостряло религиозную обстановку на белорусских землях. Хотя деятельность как духовных, так и гражданских лиц римско-католической веры была строго регламентирована многочисленными нормативными предписаниями, тем не менее они соответствовали существовавшему тогда законодательству. В целом же, имея целью ослабление влияния римо-католицизма на белорусских землях, политика, проводившаяся правительством по отношению к нему, в основном не выходила за рамки закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
2. Бачышча, Ю.А. Каталіцкая царква ў нацыянальна-рэлігійнай палітыцы царызму ў Беларусі (1900–1914 гг.): аўтарэф. дыс... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Ю.А. Бачышча ; Беларус. дзярж. пед. ун-т ім. М. Танка. – Мінск, 2003. – 20 с.
3. Яноўская, В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг. / В.В. Яноўская. – Мінск : БДУ, 2002. – 199 с.
4. Гончар, А.И. Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905 гг.) / А.И. Гончар. – Гродно : ГГАУ, 2008. – 276 с.
5. Гончар, А.И. Римско-католическая церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А.И. Гончар. – Минск : Медисонт, 2015. – 582 с.
6. Лиценбергер, О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение / О.А. Лиценбергер. – Саратов : Поволжская акад. гос. службы, 2001. – 384 с.
7. Kumor., B. ks. Kosciol i katolicy w Cesarstwie Rosyjskim (do 1918 roku) / B. Kumor // Odrodzenie kosciola katolickiego w bylym ZSSR: studia historyczno-demograficzne ; pod red. E. Walewanra. – Lublin : Redacja wyd-wa Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1993. – S. 17–79.
8. Nasze koscioly / opras. red.: L. Paluszkewicz-Horubala. – Warszawa : Biblioteka Narodowa, 2001. – Т. 1. Cz. 1 : Archidiecezija Mohilowska; Mohilowscyzyzna. – 120 s.
9. Общий свод по империи результатов данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Паровая тип.-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – 268 с.
10. Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. – изд. 1896 г. // Свод Законов Российской империи : полный текст всех 16 т., согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. осн. и позднейшими узаконениями : в 5 кн. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», [б. г.]. – Кн. 3. Т. VIII. Ч. II – Т. XI. Ч. I / под ред. и с прим. И.Д. Мордухай-Болтовского ; сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. – С. 1–157.
11. Письма обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева к императору Александру III и к императору Николаю II 1882–1902 гг. // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 601. Оп. 1. Д. 1327.
12. Дело о строительстве костела в местечке Давыд-Городке 1904–1905 гг. // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф 295. Оп. 1. Д. 7396.
13. Токць, С. Беларуская веска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны XIX – першай трэці XX ст.) / С. Токць. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 191 с.
14. Смалянчук, А.Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. / А.Ф. Смалянчук. – Гародня : Ратуша, 2000. – 204 с.
15. Рапорты исправников о самовольном открытии тайных польских школ католическим духовенством 1906 г. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 1080.
16. Дело по ходатайству римско-католического духовенства о разрешении употреблять польский язык в официальной переписке римско-католического духовенства 1906–1911 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 1081.
17. Короткая, Т.П. Христианство в Беларуси: история и современность / Т.П. Короткая. – Минск : Молодежное науч. об-во, 2000. – 72 с.

18. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 102. Оп. 236. Д. 12. Ч. 2.
19. Копия с руководящих указаний, данных министром внутренних дел Д.С. Сипягиным губернаторам Северо-Западного края по вопросам: о поддержании и развитии в крае русского землевладения; об отношениях губернаторов к римско-католическому духовенству и о постройке в крае римско-католических церквей. Всеподданнейшее собственноручное письмо Д.С. Сипягина императору о направлении на рассмотрение вышеуказанных копий 1901 г. // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 543. Оп. 1. Д. 472.
20. Курлов, П.Г. Гибель императорской России / П.Г. Курлов. – М. : Современник, 1992. – 255 с.
21. Граф Лелива [Тышкевич, А.]. Русско-Польские отношения / Граф Лелива [А. Тышкевич]. – Лейпциг : Тип. Ф.А. Брокгауза, 1895. – 252 с.
22. Дело о поездке управляющего Могилевской архиепархией епископа Недзьялковского в Витебскую губернию 1898 г. // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 43724.
23. Граф Лелива [Тышкевич, А.]. Русско-Польские отношения / Граф Лелива [А. Тышкевич]. – Лейпциг : Тип. Ф.А. Брокгауза, 1895. – 252 с.
24. Дело о самовольных отлучках викарного Домбровского костела ксендза Э. Милевского 1902 г. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 835.
25. Дело по рапортам уездных исправников со сведениями о деятельности и поведении римско-католического духовенства 1902–1903 гг. // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45321.
26. Дело о поездке римско-католического епископа Роппа для канонических обозрений по Гродненской губернии 1907 г. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 1165.
27. Дело по ходатайству римско-католического духовенства об отпуске денег на ремонт костелов 1901 г. // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 44563.
28. Дело о сборе полоцким деканом Воеводским денежных пожертвований на ремонт каплицы святого Боболия без разрешения начальства 1897 г. // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 43536.
29. Дело по циркуляру Департамента общих дел об отмене административных распоряжений, стесняющих исповедание веры католиками 1905 г. // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46998.
30. Циркуляры МВД о разрешении разным лицам покупки земли, о запрещении устраивать в учебных заведениях вечера и по другим вопросам 1905–1908 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 1031а.
31. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. – СПб.: Синод. тип., 1910. – 304 с.
32. О торжественных встречах римско-католических епископов при объезде ими своих епархий (в виду воспевавшего 17 апреля 1905 г. Высочайшего указа о веротерпимости) 1905 г. // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 102. Оп. 233. Д. 2290.
33. Волхонский, М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции / М.А. Волхонский // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С. 48–63.
34. Циркуляры МВД о разрешении разным лицам покупки земли, о запрещении устраивать в учебных заведениях вечера и по другим вопросам 1905–1908 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 1031а.
35. Дело о крещении ксендзом Полонечского костела Новогрудского уезда О. Рутковским ребенка бывшего католика, жителя местечка Ишкольд Новогрудского уезда К. Рымши 1904–1905 гг. // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 37047.

Поступила 23.03.2016

**POLICY OF THE RUSSIAN GOVERNMENT
IN RELATION TO ROMAN CATHOLIC CHURCH ON THE BELARUSSIAN LANDS
AT THE END OF THE XIXth – THE BEGINNING OF THE XXth CENTURIES**

V. TABUNOV

In article the policy of the Russian government in relation to Roman Catholic Church on the Belarusian lands at the end of XIXth – the beginning of the XXth centuries is analyzed. The main task of the policy pursued by St. Petersburg concerning a church in the edge was weakening of the influence of Roman-Catholicism on the Belarusian lands. Activities of the same Roman Catholic clergy were, on the contrary, directed to strengthening, to the extent possible, the positions of the church on the territory of Belarus. Such situation aggravated a religious situation in the edge. Defending the interests, both sides preferred to work preferentially within the normative and legal basis operating then.

Keywords: *Roman Catholic Church, the Orthodox Church, confessional policy, the Russian Empire, the Belarusian land, dioceses, parish, clergy, government, religious tolerance.*